Надежда Осипова

Тетя Маша Крокодил

Надежда Осипова

Тетя Маша Крокодил

«Издательские решения»

Осипова Н.

Тетя Маша Крокодил / Н. Осипова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836912-4

Сборник рассказов. Непридуманные истории о деревенской жизни, точно прикосновение душой к далекому детству; и людях: порой наивных, иногда жестоких, но всегда честных, не признающих полуправды, недоговоренностей, компромиссов; а еще о том, что настоящее человеческое счастье может заключаться не только в привычном семейном укладе, но и в работе, и других мелких вечных радостях.

ISBN 978-5-44-836912-4

© Осипова Н.
© Издательские решения

Содержание

Тетя Маша Крокодил 6
Сексуальная хулиганка 9
Телятница Зойка 11
Семейная традиция 13
Екулькины забавы 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Тетя Маша Крокодил
Надежда Осипова

© Надежда Осипова, 2017

ISBN 978-5-4483-6912-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тетя Маша Крокодил

Тетя Маша Крокодил по отношению к себе вызывала у людей смех, ее и вспоминали для сравнения, чтобы посмеяться. Бесформенная фигура, низкий рост, неказистая походка, коротенькие и толстенькие ручки и ножки заставляли прохожих приглядываться к ней уже издали, она притягивала к себе взгляд. Даже самый равнодушный человек окидывал ее внимательным взором, а потом долго улыбался, смотря ей вслед.

Я относилась к ней приблизительно так же, проходила мимо, приветствуя небрежным кивком головы, пока жизнь не свела нас ближе. Тетя Маша поселилась в одном со мной подъезде, я жила наверху, а она наискосок от моей квартиры на нижнем этаже. В ту памятную зиму мой сынишка часто болел. В детсад, как проклятье, неустанно проникала какая-нибудь кожная зараза, и родители вынуждены были пережидать карантин с детьми дома. На работе я появлялась не чаще двух-трех дней в месяц, в остальные дни приносила больничные листы или, того хуже, неоплачиваемые справки. Меня кое-как терпели, но косые взгляды сослуживцев, потеря заработка и вынужденное безделье хорошего настроения не добавляли.

В один из зимних дней ко мне и забрела в гости тетя Маша – попроведать. Она принесла с собой и гостинец, большое сито с подсолнуховыми семечками. Мы незаметно разговорились. Смешная на первый взгляд женщина поразила меня глубиной и продуманностью своих мыслей, простой и одновременно мудрой жизненной философией. А мой сынулька каждое утро с радостью и восторгом ожидал ее прихода.

Трудно сказать, сколько тете Маше было лет, доподлинно этот факт неизвестен. Она и двадцать лет назад выглядела точно так же. Ясным оставалось только одно, что муж Паша был гораздо моложе ее, может быть, отчасти поэтому она свой возраст старательно скрывала. Но Пашу это нисколько не интересовало, они как-то умудрялись жить душа в душу.

Однажды к Паше откуда-то издалека приехал в гости родной брат. Увидев Машу, пораженный ее обликом, он, как говорили впоследствии люди, «офигел». Долго оглядывал ее орлиным взором, но, надо сказать, Маша от его взглядов не смутилась, безобразнее или красивее тоже не стала. Брат не выдержал длительного ее созерцания и на другой день поутру потихоньку уехал, а потом через некоторое время написал родственникам письмо, которое начиналось словами: «Здравствуй, Паша и Маша Крокодил!». Паша заинтересованности никакой не выказал к злостным братниным словам в адрес жены, а вот Маша крепко обиделась, пожаловалась ненароком одной-другой-третьей кумушке, с тех пор и стали называть ее все от мала до велика тетей Машей Крокодилом.

Паша, как утверждали хорошо знающие его совхозные механизаторы, обладал олимпийским спокойствием. Он никогда и никуда не торопился, ни разу не ускорил свою неторопливую поступь и ни на кого, даже на собаку, не повысил голоса. Рассказывали о нем такой случай. Однажды летним поздним вечером трактористов с поля собирал бригадир на крытой брезентом машине, чтобы развести по домам. За Пашей, зная его кропотливый характер, заехали последним рейсом. В кузове машины сидело уже два десятка грязных, злых и донельзя уставших механизаторов, которым домой попасть шибко не терпелось, чтобы смыть с себя грязь, поужинать и хоть немного отдохнуть перед новым рабочим днем. Паша не торопясь собрал инструмент, столь же копотливо разложил его по своим местам, медленно оделся и стал закрывать кабину трактора. Пошел дождь. Мужики начали Пашу громко и нервно материть, грозясь уехать без него. Но он привычным спокойным шагом под проливным дождем молчком неспешно дошел до машины, не обращая никакого внимания ни на дождь, ни на грозные окрики. После этого случая Пашу стали ждать в абсолютной тишине, нервы тратить попусту и горло драть понапрасну никто больше не хотел.

Паша для Маши был центром Вселенной. Она любила все то, что любил Паша. Он ходил у нее неизменно чистый, прибранный и сытый. Что бы Паша ни захотел, это было в короткий срок у него на столе. Маша одним вниманием своим и уходом вылечила мужу язву желудка, тот годами о болезни не вспоминал, только иногда с перепоя, да и то недолго. Зимой, когда у механизаторов появлялись выходные и нормированные рабочие дни, Паша и Маша вместе отдыхали. Они сидели друг против друга и молчали.

– Паш, а Паш? – вопрошала мужа Маша Крокодил.

– Че, Маш? – охотно откликался Паша. И они опять подолгу молчали далее. Их краткие диалоги пересказывались на все лады и пересмеивались, но семейная пара к пересудам не прислушивалась, они жили счастливо, им было хорошо друг подле друга.

В начале нашего сближения, когда Маша Крокодил заходила ко мне в квартиру, ее маленькие глазки долго и недоверчиво, словно бы прощупывали меня, будто она хотела убедиться, не буду ли я над ней насмехаться. А после ревизии она успокаивалась, что-нибудь рассказывала из деревенских новостей, а чаще всего возилась с моим пятилетним малышом.

– Тетя Маша, – останавливала я ее испуганно, – у ребенка заразная кожная болезнь, она передается через прикосновение.

– Да что ты говоришь такое, – изумлялась Маша, – дети не могут быть заразными, – продолжая играть с ребенком к его великой радости.

Маше Крокодилу Господь деток не дал, о чем она сокрушалась беспрестанно. Уж она-то, я думаю, своего малыша в детдом бы никогда не отдала, хоть калеку, хоть дурачка какого, любого бы выпестовала любовью своей недюжинной.

Говорить с ней можно было на любые темы, она честно и прямо, без лукавства, высказывала то, что думала. В отношении семейной жизни Маша Крокодил имела четко выстроенные ею самой правила, они в своей справедливости, строгости и неукоснительности выполнения чем-то напоминали солдатский устав.

Нельзя насильно навязывать мужу собственное мнение, надо образовать такую удобопонятную ему обстановку, чтобы он сам захотел выполнить необходимую домашнюю работу, считала тетя Маша. Если хочешь изменить его в чем-то, например, отлучить от пьянства, довольно здраво рассуждала она, то тогда дай ему взамен выпивки увлекательное занятие, например, купи мотоцикл либо машину, к чему его душа тянется, тогда мужик и сам пить не будет. Короче, чтобы свести на нет какой-нибудь мужнин недостаток, ругаться ни к чему, а надо взамен дать что-то очень важное, нужное ему и стоящее. Этой же философской обработке подвергались и предполагаемые мужские измены. Горе той женщине, утверждала она, которая своего мужа победит в дрязгах, счастье сразу уйдет из их дома. Не мне судить, насколько Маша Крокодил была права в своих измышлениях, но на практике у нее получалось все очень здорово, Паша ее ценил, а менять ни на кого не хотел.

Хотя над тетей Машей люди беззастенчиво смеялись довольно часто, к раздорам она не стремилась. Только один раз Маша Крокодил легонько повздорила, но тут ее явно вынудили обстоятельства. Дело было так. В нашем крупном семеноводческом совхозе, отсеявшись, отпраздновали посевную, Борозду, как ее называли. Выдали рабочим заслуженные премиальные, погуляли всласть. На другой день выяснилось, что как-то в суете стался незасеянным отдаленный клин между двумя березовыми колками. Поскольку в район об окончании посевной уже отрапортовали, то в срочном порядке без предупреждения Пашину бригаду на прорыв и отрядили. Про еду хмельные еще трактористы вспомнили только тогда, когда по времени наступил обед, но продуктов с собой, как оказалось, по причине послепразднества никто не захватил. Из-за отдаленности, до села путь составлял около семи километров, возвращаться не стали, решили в обед покемарить в тенечке, да тем и обойтись. Привыкшие подсмеиваться над Пашей мужики, и на сей раз привычке своей не изменили.

– Паша, а ты что своему Крокодилу на премиальные купишь? – подтрунивал над Пашей его напарник.

– А тебе какое дело? – услышали вдруг мужики Машин голос. – Что ты обо мне хлопочешь? Своих забот у тебя мало? Красота скоротечна, совместно с молодостью уходит, скоро и у твоей супружницы морщины по аршину будут, непригляднее меня может стать, не забывай, если часом над человеком посмеяться захочешь, – закончила она свою отповедь.

Напарник даже вскрикнул от неожиданности. Маша Крокодил стояла в пяти шагах от механизаторов под молоденькой березкой, скрестив на мощной груди толстенькие ручки, у ног ее стояла приземистая сумка с Пашиным обедом.

– Ты че, Маш? – оторопел и Паша.

– Опохмелиться принесла, Паш, пообедать, – кротко ответила Маша Крокодил.

– Отдохни, Маш, – пожалел Паша жену, вытиравшую платком пот со лба.

– Некогда, Паш, – проговорила Маша, отправляясь в обратный неблизкий путь на своих коротких крокодильих ножках.

– Ну, чего примолкли, обедать присаживайтесь, – пригласил Паша насмешников. – Я свою Марью ни на кого никогда не променяю, а красавиц вам, дуракам, оставил.

Однажды мой сынок нечаянно уронил вниз со второго этажа игрушечный пистолетик, которым очень дорожил. Боевое оружие малыша, как на грех, провалилось в щель между стеной и лестницей, угодив прямехонько в Машину кладовку. Проведав об этом, сострадательная к ребятишкам женщина, не посчитавшись со временем, в поисках игрушки переворошила все сундуки, ведра и тряпки во всей клети, но маленький пистолетик никак не находился. Тогда тетя Маша планомерно чулан свой освободила, перетаскав хлам на улицу, детально его просмотрев и прощупав. Поздним вечером, уставшая до изнеможения, Маша принесла парнишке игрушку. Она была с головы до ног в паутине, ее пыльное платье, грязные борозды от стекавшего по лицу пота устрашили бы, без преувеличения, кого угодно, но счастливый малыш бросился ей на шею, крепко обнял и расцеловал ее, а о пущей признательности она и мечтать не могла. Неудивительно, что, даже став взрослым, мой сын отчетливо помнит этот случай, доброта хранится в памяти человека пожизненно.

Ровно через год, после недолговременной тяжелой болезни, тетя Маша умерла. С ее уходом все соседи словно что-то потеряли, а Паша при известии о смерти жены постарел сразу лет на десять. Он повесился спустя две недели после похорон, солнечной любви Марьи и ее сердечности ему, чтобы содержать в привычном тепле свою душу, надолго не хватило.

Начать жизнь заново без Маши Паша не захотел.

Сексуальная хулиганка

Валентина жила в соседнем доме. Лет двадцати, лицом не красавица, да и статью не взяла, но будто неводом выуживала интерес к себе у деревенских мужиков. Смелая, вызывающая, сексуальная.

Её люто ненавидели все бабы, но не я. Вероятно, именно поэтому она выбрала меня в подружки. С горя я рано вышла замуж, сразу после смерти отца – ночью боялась засыпать. А днём… со мной всегда что-то приключалось. Словно рядом боролись две силы. За полгода побывала в четырнадцати авариях. Вышла замуж, родила сына, и стала спать спокойно, но лицом к стенке.

Валентина иногда заходила в гости. Она говорила только о сексе. Ей нравились мужчины. Рассказывала о технике секса, сравнивала партнёров. Никогда мне не было так интересно и весело, как с ней. После каждой встречи долго болели от смеха лицевые мышцы.

Однажды она пришла ко мне на работу в ремонтную мастерскую. Стоял сентябрь, пора горячая – уборочная в разгаре. Я в третий раз растачивала втулку, которая никак не хотела «садиться» на разбитый валик. Мне показалось, что даже престарелый токарный станок стал дребезжать громче, когда увидел Валентину. На ней была простенькая юбка, но с глубокими боковыми шлицами до бёдер. Все мужики воткнулись глазами в юбочные разрезы. Они взглядами алчно раздвигали ткань, издали лаская девичьи ноги, пикантно ускользающие в тёмном пространстве под юбкой.

Во мне шевельнулось что-то нехорошее:

– Ты совсем разденься, пусть народ досыта насмотрится…

– Не могу. Тогда женской тайны не будет, – ответила она, с жалостью оглядывая мой комбинезон. – Я мужикам сегодня сексуальную мечту подарила. У этих бедолаг, пока они дома у баб своих выклянчат, уже всякая охота пропадает, когда те, наконец, их до себя допустят…

Валентина покрутила хвостом и ушла, а ремонтники после её ухода забыли о работе, не могли успокоиться до самого вечера. Бродили по мастерской, нервно потирая руки, будто все разом вспомнили, что они мужчины.

Потом её не стало видно – переехала в город. Мы теперь виделись совсем редко. Городское раздолье изменило Валентину. Она по-прежнему часто меняла партнёров, но относилась к этому уже без романтики, с преобладающей долей цинизма:

– Я честная бл…, больше двух не завожу, – хохотала она у себя во дворе, когда приезжала в деревню.

Только раз Валентина забежала ко мне. Её глаза горели волшебным светом. Она с восторгом сообщила, что полюбила хорошего парня Сергея, «сексуального гения»:

– Ты знаешь, у него всё такое прекрасное, изогнутое, похожее на банан…

Во мне почему-то проснулся стыд, и я не совсем вежливо выпроводила её.

Месяца через два поползли слухи, что Валентина лежит в городской больнице – избитая, с переломанными рёбрами… Рассказывали про «кару» за измену – любимый поймал её с «хахалем». Тот, другой, сбежал, выпрыгнув в окно, за всё сполна расплатилась Валентина.

Дождавшись выходных, я поехала в город навестить Валентину. Она лежала у дальней стены палаты, но даже в полутьме разноцветно сверкали её синяки. Курочке некуда было клюнуть – лицо и руки, ноги – всё отливало чернотой и зеленью…

– Ненавижу тебя! Всегда ненавидела! Подругу корчишь? А сама, небось, рада… Да заразы ты боишься, потому и честная…

Злоба Валентины испугала меня больше, чем её увечье.

Вопреки здравому смыслу, они поженились, как только у невесты срослись кости. В медовый месяц Валентина своему «сексуальному гению» проломила голову утюгом…

Жить друг без друга они не могут, но соднова дерутся, разбегаются, снова сходятся… Один – «разбериха», другая – не «спустиха», славная вышла пара. Так и воюют до сих пор…

Телятница Зойка

Молодая женщина лет двадцати трех, Зойка Степанова, работала в совхозе телятницей. Рослая, сутуловатая, в старой заношенной телогрейке, с большими изработанными руками, она производила неприятное впечатление. Но это только спервоначалу. Открытость Зойкиного нрава, ее задорный смех, недюжинная физическая сила и выносливость, а также неуклонное стремление к правде во всех жизненных мелочах, примиряли собеседника с ее некрасивостью уже через четверть часа общения.

Ферма находилась километрах в трех от деревни, да по кривым зареченским улицам нужно было смесить ей до околицы кирзовыми сапогами не один пуд грязи, поэтому Зойка просыпалась зимой и летом задолго до рассвета, даже раньше придурковатого соседского петуха, который голосить начинал часов с четырех утра. Так что на работу она никогда не опаздывала, в любую непогодь поспевала вовремя. Проголодавшиеся за ночь молоденькие бычки, завидев Зойку с другого конца телятника, дружно мычали и резво бросались навстречу ей к тесовому краю загона.

Нельзя сказать, чтобы Зойке ее жизнь нравилась. Это не совсем так. В детстве, в школьные годы, она собирала открытки с портретами столичных артисток, хотела, как и многие ее сверстницы, сменить трудное деревенское житье на привольное городское, после школы желала получить чистенькую профессию, мечтала о большой любви с прекрасным принцем. Но, едва закончив десятый класс, подружив с залетным прикомандированным в совхоз на уборочную не совсем путевым трактористом Димкой ровно неделю, вышла за него замуж, и в деревне около своих родителей вместе с ним и обосновалась. Дралась Зойка с мужем-пьяницей часто, за что-то все-таки его она жалела, хоть и расходилась с ним периодически, но быстро прощала и мирилась, так они и нажили в совместном шумном браке двоих непоседливых парнишек. Профессию в деревне Зойка себе не выбирала, работа, точнее, сама нашла ее. Попросила молодую бабу бригадирша животноводческой фермы на некоторое время подменить заболевшую телятницу, товаркам Зойкина бесхитростность и трудолюбие сразу пришлись по нраву, так она и осталась ворочать совхозный навоз.

Полетели в ежедневной суете дружной вереницей годы. Сыновья пошли в школу, как-то неприметно тихо ушли из жизни ее родители, старшие Зойкины сестры, такие же некрасивые и неудачливые, разъехались в поисках счастливой доли по белу свету. Муж Димка, непутевый и неуемный, где-то сгинул, отлучился из дома на неделю в город и не отзывался весточкой больше года. Зойка его не ждала и не плакала, при тяжелой работе времени слюни распускать у нее не было, да и привыкла к безответственности мужа уже давно, впрочем, и поджидать его было особо незачем, счастливых дней с ним женщина в памяти ни одного не удержала, только ссоры, неизменно переходящие в драки.

Больше Зойка не влюблялась по причине отсутствия объекта любви. До того были ее последующие избранники неказисты, дураковаты и порочны, что о некоторых из них Зойка вспоминала с мимолетным отвращением. Так подобралась она к тридцатилетнему возрасту. В неустанной работе огрубели ее руки, от постоянных неурядиц и неудач стала мозолистой нежная когда-то душа, романтический мечтательный характер сменился твердой практичностью и усталостью.

– Надорвалась я, бабы, жестокими буднями, – делилась Зойка своей тоской за редкой стопкой самогонки с такими же одинокими и неприкаянными подружками.

От разгула всегда уберегали ее дети и работа. Заветы покойных родителей ее, деревенская среда добропорядочности, в которой она выросла, спасали Зойку от морального падения, черту зла, пьянства, откровенного разврата она никогда не переходила. Сходилась и жила

с невзрачными своими кавалерами, связи с женатыми мужиками стойко избегала, смеялась только открыто над собой и своей судьбой, так и жила.

– Как красавец твой писаный, Ванька Косой, как жизнь-то с ним налаживается? – вопрошали ее любопытные товарки.

– Да хорошо все, – отвечала им в тон Зойка, – только вот живем вместе уж полгода, а все никак не пойму, когда в постели с ним лежу, каким глазом он на меня смотрит, то ли правым, а то ли левым.

Поголовье телят, ею выращенных, умножалось с каждым годом. Немало людей городских накормила Зойка трудом своим, но об этом вот она никогда не задумывалась. Просто ежедневно работала, вставала затемно и трудилась, не покладая рук, пока не сваливалась от усталости замертво в холодную одинокую или пропахшую очередным незадачливым ухажером постель. Ребятишки ее учились весьма средненько, тоже мечтали о чем-то своем сокровенном, пока не пришел их черед занять ее место на совхозной ферме или пшеничном поле за рычагами трактора, как их отец.

Однажды ясным июньским днем на выпасах, где пребывала Зойка с группой взрослых телят, идущих на откорм, гоняла она по лугу отбившегося от стада черно-белого бычка Валета, доставлявшего ей хлопот больше, чем все другие ее питомцы, вместе взятые. Валет, прозванный так за то, что как-то сожрал у Зойки из колоды разбросанных по поляне гадальных карт пикового валета, резвился на славу. Сколько бы времени еще потратила Зойка на перевоспитание Валета, сказать трудно, как отвлек ее от привычного занятия рокот мотоцикла. Она оглянулась, взгляд ее встретился со смелым прищуром зеленых глаз бойкого парня, и женщина вновь влюбилась, на этот раз крепче прежнего, последней женской любовью, истосковавшегося по нежности открытого и горячего большого сердца. Парня тоже звали Димкой, как и первого мужа Зойки, она увидела в этом знак судьбы, и, не теряя времени на более близкое знакомство, обнюхивание, как она изрекала, быстро сошлась с ним.

Целый месяц оба были счастливы. Протерев от романтического сна глаза, Зойка как-то враз узрела, что и второй ее Димка похож на первого не только именем, но и забубенным пьянством. А новая беда уже предъявляла Зойке скорый расчет за короткое счастье: Димка наградил ее туберкулезом, открытую форму которого имел как следствие порочного своего поведения. Кропотливо лечиться Зойка, как требовала ее нешуточная болезнь, не умела. Вследствие обследования и последовавшей за ним огласки работу она потеряла сразу, оформить инвалидность в чуждой ей обстановке, отдаленной от родного села районной поликлинике, так и не смогла. Димка от наступившей бедности быстрехонько смотался к родителям в лучшие условия. Младшего сына Зойки забрали в туберкулезный диспансер, он тоже пострадал. Старший сын ее, пошедший нравом в блудного своего отца, где-то скитался на чужой сторонушке и известий о себе не подавал.

Сама Зойка, враз лишившись здоровья, привычной с мальства обыденной работы, а потому и смысла жизни, заблудившись в черном одиночестве, спала с тела и зачахла очень быстро, как бурей сорванный неприхотливый осенний цветок. И непонятно ей было в последние уходящие часы ее, зачем жила она, зачем так рано помирает…

Семейная традиция

Семья Бородкиных к встрече Нового года подготовилась по сложившейся традиции основательно. Закупили загодя они все, что, по их мнению, полагалось иметь на праздничном новогоднем столе: три бутылки хорошей водки, две жирные крупные селедки, увесистый пакет куриных американских окорочков, пельмени в изобилии, с расчетом на застолье с гостями и на предполагаемое похмелье. Заготовки на салаты томились в холодильнике в ожидании праздника. Заветная бутылка шампанского отливала зеленью в углу под лавкой. Ей места с непривычки как-то не нашлось, гостья она непостоянная, посещала дом Бородкиных лишь на Новый год, поэтому хозяйка Ольга Александровна, помыкавшись с большой бутылью, определила ее в столь, казалось бы, неприглядное место.

Гостей предвиделось немного. Праздник как никак семейный, пригласили лишь самых близких: дочь Марину с зятем Евгением и пятилетней внучкой, да двоюродную сестру хозяина Николая Алексеевича Наталью, оказавшуюся проездом в их городе. Первостепенной гостьей ожидалась теща – Марья Петровна. Она длительное время не переступала порога дома Бородкиных, мир их не брал с зятем ее Николаем, не то чтобы там дрались они или ругались, нет, этого не было. Только как-то, вроде даже против их воли, оказывались теща с зятем в несовместимых позициях, перпендикулярно друг друга. Как Ольга не доглядит, хватится, а ее ближайшие родственники уже глазами сверкают, противоборствуют. Обещал еще со своего милицейского дежурства подъехать к бою курантов и сын их Алексей, с условием, конечно, если событий никаких чрезвычайных не произойдет на его участке.

Теща Марья Петровна даже прическу мудреную сварганила себе, всю ночь на бигудях проворочалась, так хотелось ей за столом у дочки в гостях достойно выглядеть. Она частенько Новый год все одна встречала, не то опасались, не то забывали родственники за праздничной суетой пригласить ее, а она навязываться страсть как не любила. В этот раз все было по-другому. Несколько раз звала в гости ее Ольга, Алеша внук тоже забегал два дня назад, напоминал, помирить хотели они тещу с зятем окончательно, не дело это, когда родня близкая годами друг от дружки нос воротит. Марья Петровна покочевряжилась немного для вида, а в душе сразу охотно согласилась, кому же понравится незаслуженно в ссылке жить.

Последний раз званой была она на день рожденье Николая Алексеевича два с лишним года назад, и хорошо начали праздновать, да с подарком закавыка случилась. Купила теща зятю рубашку, расцветки хорошей, дорогую. А без затей, по-простому, как зять ее любил, подарить не захотела. В три обертки ради веселья и почтения подарок свой завертела, не взяв во внимание непростой характер именинника. А Коля первую обертку спокойно снял, вторую уже в сердцах срывал, а как третью увидел – у печки дверцу открыл, да сверток в огонь и зашвырнул, причем молча. А Марья Петровна тогда оскорбилась, что намерения ее уважительные поняты не были, с гордо поднятой головой немедля дом неблагодарного зятя покинула. Слыла она особой интеллигентной, всю жизнь в гардеробе в библиотеке проработала, а потому и разобиделась. В этот раз Ольга персонально предупредила Марью Петровну, чтоб без подарков та приходила, очень уж всем хотелось по-тихому семейный праздник справить, как у нормальных людей.

Опасались напрасно. Старый год проводили очень хорошо, песни даже попели, – не спьяну, а так, ради настроения. Ольга Александровна к основному празднованию наварила пельменей, вволю. Кто как хотел, с маслом, с бульоном или со сметаной, так и подала их Ольга каждому гостю. Марья Петровна чуток осмелела и попросила себе пельмешек в чашке и безо всяких добавлений. С превеликой охотой хозяйка дома и ее желание уважила. Подъехал на казенной машине и сын Алексей, как и обещал, почти что к самому бою курантов, – служба, что поделаешь.

Ольга салатов натащила из холодильника всяких, глаза разбегаются от изобилия. Шампанское водворили из-под лавки на почетное место за столом, бокалы приготовили. Стали гости дорогие остатние минутки ждать да втихомолку желания придумывать, чтоб в Новом году те исполнились все без промедления. Кто богатства, кто здоровья, кто деткам счастья загадал. Хозяин Николай Алексеевич бутылку шампанского ухватил, стал проволочку с золотой бутылочной головы скручивать. Гости с пустыми бокалами хрустальными к нему потянулись, а теща уши зажала руками, – женщина нервная, с непривычки выстрела напитка игристого убоялась, да понапрасну. Уж бой курантов московских начался, а Коля все с бутылкой возится, пробка будто прилипла к горлышку, не выкручивается никак. Алексей в творческий процесс влился, но по-прежнему результат ожидаемый не выходил. Минутная стрелка на часах явно за двенадцать переползла, все молчат за столом, ждут с пониманием, один Николай пыхтит, красный от натуги, а пробку с места и на чуток сдвинуть не может.

– Брат, оставь ты ее, так обойдемся, – просит жалостливо сестра Наталья.

– Семейная традиция, никак не могу отступить, – не соглашается Коля. – Лешка, неси сюда из сенок шило, пробку им протыкать буду. Не могу без шампанского Новый год встречать, привык, да и боюсь, еще какой-нибудь год нехороший выпадет, – суеверно замечает хозяин.

Зять Женя с дочкой Мариной по второму разу к стопкам с водкой приложились, проводили и встретили они разом оба года, молодые, невтерпёж им. Сын Алексей рядом с отцом хлопочет, шилом по очереди они пробку от шампанского продолбить норовят. Ольга затаилась, как бабочка перед грозой, мнится ей, что канитель с шампанским к добру не приведет, только шутить она вовсю силится, вида перед гостями не подает, что не по нутру ей это копошение затянувшееся. Одна теща Марья Петровна безгласно и безо всяких движений лишних застыла в ожидании, почтение зятю молчанием своим оказывает, полную солидарность и разумение может Коля при малейшем желании со своей стороны прочесть в выражении ее лица.

Так проходит четверть часа, потом полчаса.

– Коля, хватит, – наконец, не вытерпев, говорит жена. – Сколько можно ждать, пельмени уже остыли.

Хозяин цыкает недовольно на возникшую голосовую помеху, смеющую отрывать его от столь увлекательного творческого процесса. Бутылка шампанского в его руках вздрагивает, раздается оглушительный хлопок, искалеченная уродливая пробка со свистом выуживается из горлышка, ударяется об косяк и приземляется где-то уже в районе прихожей. Пенистое содержимое бутылки неукротимым потоком вырывается вслед за пробкой на долгожданную волю и выливается на прическу и праздничное одеяние Марьи Петровны, впрочем, часть напитка попадает и в ее чашку с пельменями.

Присутствующие пораженно молчат. Но уже ровно через минуту, словно сговорившись, встают неловко из-за стола и разбредаются по дому. Сын Алексей вспоминает о служебном долге и уезжает второпях на работу, мокрая теща выскальзывает в ночь вместе с внуком, шепча, что теперь уж ноги ее точно в этом доме не будет. До вульгарного крика, как интеллигентная женщина, она не снисходит. Ее никто не останавливает ввиду полной и очевидной безуспешности подобных действий. Марина начинает укладывать дочку спать, Евгений курит папиросу на крыльце. Наталья засыпает, угревшись под кофтой хозяйки в свободной комнате Алексея. Ольга Александровна, обхватив голову руками, сидит, крепко задумавшись, в спальне. А Николай Алексеевич, враз покинутый домочадцами, одиноко хлебает деревянной ложкой шампанское из тещиной чашки с пельменями. Дать объективную оценку происшедшему он пока не в состоянии, хотя в глубине души Коля все-таки рад, что семейная традиция не нарушена, – Новый год полноценно вошел и в его дом тоже.

Екулькины забавы

Первая треть школьного моего детства протопала интересно и насыщенно по огромному яблоневому саду, где на одной из аллей скромно притулилось старенькое учебное зданьице бывшей церковной сторожки. Школьная библиотека за стенкой, да нас два десятка учеников населяли школьный филиал. Там на отшибе от людской суеты на воле мы постигали азы грамоты. Где-то примерно в четвертом классе к нам прибилась новая ученица – Валька Казанцева, по прозвищу Екулька.

С нами попервоначалу училась ее младшая сестра Катя, неприглядная, малорослая, тихая и застенчивая, малозаметная девочка, которая все время будто чего-то стыдилась. Валька была ее полной противоположностью. Буйный характер новенькой проявился с первых секунд знакомства. Она отвесила полновесный подзатыльник прямо на торжественной линейке за ехидное хихиканье нашему классному хулигану-двоечнику Саньке Куропаткину. От могутного удара Санька не удержался на ногах, юзом проехал метра два-три до щелястых ступенек крыльца, а потом пораженно вытаращился на Вальку. Молоденькая учительница, как и все мы, в не меньшем изумлении воззрилась на новенькую, только младшая сестренка ее отнеслась к происшедшему, как к рядовому событию.

Заслуживал внимания не только вздорный Валькин нрав, но и потрясная ее внешность. Маленькая, несоразмерная туловищу, черноглазая головка ее, всегда находилась в работе. Валька Екулька крутила ею направо и налево, выискивая потенциальных насмешников неустанно. Короткая мальчишеская стрижка не прикрывала оттопыренных безобразных ушей. Орлиный с горбинкой нос грозно возвышался среди круглых с четким румянцем щек. Тонкая ниточка губ едва прикрывала здоровые белые зубы, а верхняя губа, кое-как стянутая до ноздрей синеватым послеоперационным шрамом, окончательно уродовала её лицо. Смышленые, пронзительные, черные глаза Вальки Екульки положения уже не спасали. Всяк, впервые ее увидевший, долго не мог оторвать от нее ошеломленного взгляда.

Прозвище Екулька прилипло к девчонке с раннего возраста. Когда-то несколько поколений назад жила в деревне дурочка Акулина Стульникова. Память людская ничего не сохранила о ней, кроме имени. Давно уж на деревенском кладбище истлели ее косточки, а некоторые сельчане по глупости и по въевшейся привычке иногда прозывали в гневе или в припадке язвительного высокомерия представительниц женского пола за оплошность или какой-то физический недостаток Акульками. Так вышло и с Валентиной. Акулька в процессе тысячекратного использования трансформировалось в Екульку, так и повисло обидное прозвание на неординарной девочке гнетущей ношей пожизненно.

Валька, несмотря на всевозможные сопровождающие ее денно и нощно катаклизмы, старалась не унывать. Она каждую весну умудрялась внедриться в число второгодников. Нас она года на два-три превосходила по возрасту и по немалой доле бесшабашной храбрости, а потому уже через неделю весь класс крепенько держала в своем маленьком железном кулачке. Даже опытные учителя не могли с ней справиться, когда им в виде переходящего вымпела она доставалась. Про нашу зеленую учительницу Галину Васильевну, едва окончившую педучилище, и говорить было нечего: плакала от Валькиных проказ каждый день.

Сказать честно, сбагрить хулиганистую Екульку из школы намучившиеся учителя пытались многократно. Но все их попытки были безуспешными, Валька гранит знаний грызть не жаждала, но ходить в школу она почему-то сильно любила. Администрация школы не раз направляла Валентину Александровну Казанцеву на комиссию в район на предмет проверки ее предполагаемой дебильности, благо, что внешность ее для незнакомых людей на первый взгляд предполагала подобный расклад в отношении Валькиных умственных способностей. Но Валентина Александровна щелкала мгновенно задачки про березы с яблоками и в расстав-

ляемые комиссией ловушки ни разу не попалась, наоборот, она располагала весь ее состав к концу испытаний настолько к своей особе, так рьяно проявляла свое желание учиться, что члены комиссии единодушно делали вывод: это учителя не хотят заниматься с девочкой, они даже признавали Валентину весьма способной ученицей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.